

30 ИЮН. 38

Искусство в Свердловске

1

Лето. Опера и драма уехали, в городе остались оперетта и Театр юного зрителя. Идут последние испытания в областном театральном училище.

Оперетта необычайно популярна в Свердловске. Жаль, что свердловский Театр музыкальной комедии уже сам себя определил, как «один из ведущих театров в этом жанре» (см., например, проспект к спектаклю «Свадьба в Малиновке»), но и в самом деле, это один из сильнейших наших театров оперетты. Не знаю только, зачем ему понадобился псевдоним «музыкальной комедии». Гораздо лучше честно называть себя опереттой и доказать, что это совсем не «низкое» слово.

В конце сезона театр давал «Свадьбу в Малиновке», «Сильву» в новом «чтении» Н. Адуева и еще неизвестную московскому зрителю новую оперетту «Честь мундира». Это, можно сказать, три решения трудной проблемы советской оперетты: новая советская оперетта, освоение «венского» наследства и еще третье, совершенно неслыханное решение, о котором простыми словами не скажешь.

«Свадьба в Малиновке» идет в Свердловске, как и в Москве, с большим и заслуженным успехом. Оперетта хорошо поставлена (режиссер — И. Донатов), она хорошо вводит новое и хорошо пользуется старым, она весела, приветлива и утешительна.

«Сильва» в новом «чтении»! Задача, как легко догадаться, заключалась в том, чтобы сохранить кальмановскую музыку, не оскорбляя при этом советского зрителя слишком глупыми и пошлыми «словами». Н. Адуев надеялся «органически, без натяжки раскрыть образ Сильвы», как «горячо любящей женщины, которой в силу сословных предрассудков приходится выбирать между любовью и искусством». И вторая тема: «тема ценности жанра оперетты, тема любви актеров к своему искусству».

В объяснительной брошюре слова «органически, без натяжки» набраны даже прописными буквами, чтобы не оставить на этот счет никаких сомнений. Однако возвышение Сильвы Вареску не состоялось. Кальмановская музыка не желает в этом участвовать, она говорит о своем, совершенно не слушая Адуева, и мы яснее, чем когда-либо, увидели, сколько в этой музыке упрямства и вежливости. Разлад между текстом (довольно удачным) и музыкой чрезвычайно нагляден. В публике мнения разделились. Часть публики считает, что эта «Сильва» не так хороша (т. е. не так плоха), как прежняя. А другая часть публики, не обремененная воспоминаниями, полагает, что трагедию горячо любящей женщины надо давать под какую-нибудь другую музыку, и что некоторые мелодии и мотивы этой оперетты действительно очень прилипчивы и «ядовиты». И так как прежние глупые слова «Сильвы» уже прочно забыты, а новые не запоминаются, зрители, уходя из театра, поют «Сильву» совершенно без слов.

Но дальше всех идет в своих исканиях Евг. Павлов, автор «Честь мундира». Он написал новую, совершенно оригинальную оперетту о любви блестящего гусара Сергея Волынцева к бедной девушке, его дальней родственнице Наташе; ради нее он готов даже отказаться от наследства. Это не должно нас удивлять: Сергей Волынец вообще с малых лет мечтал о трудовой жизни. Из этого долгое время ничего не выходило,

потому что дело было при Николае Палкине, и помещичье-дворянский строй почти задушил индивидуальность Сергея Волынцева точно так же, как сословные предрассудки князей Пфайфенглут в свое время разбили счастье Сильвы Вареску. Словом, автор пошел на серьезные жертвы, лишь бы справиться с тем, что ему казалось трудной, но захватывающей и давно назревшей задачей: вывести на сцену хорошего, лирического человека в гусарском мундире.

Никто из зрителей не говорит ничего плохого об этом либретто, потому что совершенно невозможно заставить себя думать на эту тему. Но никто ничего не напевает, когда выходит из зала после спектакля. Где музыка? Музыку для «Честь мундира» написал т. В. А. Белиц, дирижер свердловской оперетты. Специалисты скажут, может быть, в какой мере она самостоятельна и оригинальна. Профану она напоминает многие старые оперетты, и при том не самые лучшие. Так или иначе, эта музыка, прямо скажем, не зажигает.

В свердловской оперетте работают превосходные актеры — тт. Высоцкий, Вико, Емельянова, Шейкина, Биндер, Маренич. Особое место в труппе занимает С. А. Дыбчо. Он пользуется очень большой популярностью, и, вероятно, есть уже актеры, которые склонны ему подражать. К несчастью, этот даровитый актер ни в чем не знает меры. Его стиль игры нельзя назвать иначе, как оглушительным. Совершенно неистово и, повидимому, вполне убежденно он опрокидывает все наши представления о какой бы то ни было мере вещей. Это тем более огорчительно, что в иные минуты, когда С. А. Дыбчо устает от своей свехигры, мы с удивлением видим, что он очень хорошо владеет секретом мягкого и благородного комизма. Как было бы хорошо, если бы он не изнурил себя сверх всякой меры!

2

На углу Шарташской и ул. Мамина-Сибиряка, в деревянном, старом и плохом доме, ход со двора, помещается свердловское театральное училище.

Вступительные экзамены начнутся через два месяца, но уже сейчас подано свыше трехсот заявлений на тридцать мест.

Вероятно (так было в прошлом году), человек сто сразу же, на «этюдах», покажут полную свою непригодность к актерской профессии, и педагоги с легким сердцем отпустят их домой («Кто им сказал, что они рождены для сцены? Пусть займутся другим делом! Столько есть увлекательных профессий!»).

Еще семьдесят-восемьдесят покажут несомненные, но не очень большие способности. Они тоже должны будут уехать домой, и это уже будет драма. Ведь у них несомненные способности. Почему им нельзя «попробовать»? Разве не бывает на экзаменах ошибки и случайности! Очень трудно будет им объяснить, почему они, «не подходят».

Но из остальных ста двадцати-ста тридцати жалко будет отпустить кого бы то ни было. Отбор в театральное училище должен быть очень строгим. Совершенно верно: не надо плодить бездарностей, не надо поощрять неоправданные амбиции, не надо отравлять «ядом» сцены неопытные сердца и т. д., и т. д. Вполне законно, я думаю, предъявлять самые строгие требования даже в отношении внешних данных. Но что делать, если с каждым годом все выше процент безусловно одаренных, безусловно хо-

рошо развитых, и умных, и красивых? Радоваться, конечно. Но ведь этого мало. Свердловское училище может принять только тридцать из ста двадцати талантливых.

В Свердловск тянутся и из других областей. Ведь в Челябинской, например, области нет театрального училища.

Уже сейчас среди учеников свердловского театрального училища около сорока процентов пришельцев из других краев, и некоторые из них в буквальном смысле этого слова **пришли** в Свердловск из очень далеких сел и деревень. Уже давно назрела необходимость открыть национальное коми-пермяцкое отделение.

И сейчас в свердловском училище есть талантливые и необычайно увлеченные своим делом ученики, есть отличные преподаватели (Г. Г. Гвинеев, Н. В. Клементьев, О. Бронгулеева, Л. Н. Шульга, М. Певзнер), а больше, собственно говоря, ничего нет. Нет сценических подмостков, негде учить движению. Во втором этаже есть, правда, нечто вроде зала, но оборудовать в нем сцену совершенно невозможно: как бы она ни была мала, она заняла бы все пространство этой небольшой, в сущности, комнаты. Впрочем, и это бы, вероятно, не остановило учеников, которые готовы во все решительно «уложиться», лишь бы играть. Но в самом центре зала находится большая и глухая колонна.

И если б не дружеское участие администрации клуба им. Дзержинского (М. Полякова и М. Блюман), которая предоставляет ученикам, время от времени, свою отлично оборудованную сцену, ученики выходили бы в актеры, так и не узнавши, каково ходить по сцене и что такое рампа.

Экзамены происходят в зале клуба им. Дзержинского. Костюмы и реквизит ученики сами таскают из театра, в которой, впрочем, ничего хорошего достать нельзя. Приходится играть в совершенно фантастических, абсолютно противопоказанных костюмах. Попробуйте в таких условиях создать себе правильное самочувствие, «нажить» образ и т. д.

Я видел два ученических спектакля: «Доходное место» и каратыгинский водевиль «Дон-Кихот». Можно уже не пояснять, что оформление было очень далеко даже от условной действительности, а в некоторых случаях даже отрицало какую бы то ни было действительность. Занавес не всегда опускался во время, а иногда за сценой что-то обрушивалось в самый неподходящий момент. Но с той минуты, как спектакль был пущен, вы уже оказывались в его власти. Замечательно было то стремление к художественной точности, которое сумел внушить этим молодым актерам руководитель режиссерского класса т. Гвинеев. Они — ученики; у них огромное желание побольше играть, совершенно естественное желание «себя показать». У них от природы огромный темперамент. Но как хорошо умели они уже слушаться правды, отмерять сценическое время и владеть собой. Какие живые краски явились вдруг у Юсова! Как хорошо играл без слов половой в трактире («Доходное место»), и как хорошо тот же ученик играл на другой день водевильного Санчо Пансо.

Они будут актерами, даже если все останется так, как есть в позабытом свердловском областном театральном училище. Но нельзя допустить, чтобы все осталось так, как есть.

Л. БОРОВОЙ